

КУРИЛКА
ГУТЕНБЕРГА

ЛОНГ-ЛИСТ премии «Просветитель»

Артём Космарский

ТРЕТИЙ РЕЙХ

16 историй
о жизни
и смерти

Аванта

Библиотека Гутенберга

Артём Космарский

**Третий рейх. 16 историй
о жизни и смерти**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(430)"1933/45"
ББК 63.3(4Гем)6

Космарский А.

Третий рейх. 16 историй о жизни и смерти / А. Космарский —
«Издательство АСТ», 2023 — (Библиотека Гутенберга)

ISBN 978-5-17-112326-0

Книга антрополога и научного журналиста Артёма Космарского состоит из серии очерков, в основе которых лежат материалы новейших исследований, опубликованных авторитетными историческими изданиями. Жизнь и смерть в нацистской Германии и на оккупированных территориях рассматриваются автором сквозь призму микроистории — ярких локальных сюжетов.

Выбранные темы новы и непривычны для российского читателя: арийский футбол, бокс в концлагерях, экономика оккупированной Украины, споры нацистских магов и просветителей... Однако с помощью столь конкретных и выразительных примеров автору удалось наглядно продемонстрировать, как работала система власти Третьего рейха, как думали и действовали чиновники и военные и, наконец, как взаимодействовали с властями и выкручивались из сложных ситуаций обычные люди. Для широкого круга читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)"1933/45"
ББК 63.3(4Гем)6

ISBN 978-5-17-112326-0

© Космарский А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие научного редактора	6
Введение	10
Часть I. Режим за работой	13
1. Блицкриг на футбольном поле: как в Германии перестраивали спорт на национал-социалистический лад[2]	13
Еврейская и пацифистская система «дубль-вэ»	13
Нападение и оборона	16
Реванш рейхстренера	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Артём Анатольевич Космарский

Третий рейх. 16 историй о жизни и смерти

© Космарский А. А., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Артём Космарский – антрополог, научный журналист, старший научный сотрудник Института исследований культуры (НИУ ВШЭ). Готовил материалы по истории, антропологии, социологии и другим социогуманитарным наукам для ведущих СМИ России: *Lenta.ru*, *Gazeta.ru*, *Indicator.ru*. Работал научным редактором и переводчиком исторической литературы в издательстве «Альпина нон-фикшн» и Издательском доме «Дело» РАНХиГС.

Предисловие научного редактора

Нацисты натворили столько бед, что человечество будет вспоминать о них еще долго. Третий рейх был и остается предметом пристального внимания ученых, художников, политиков и обычных людей. Это в высшей степени странное государство многие считают образцово-показательной империей зла, высокоорганизованным социальным организмом, который при определенном стечении обстоятельств вполне мог «сожрать» всех людей и воцариться над миром. Однако при ближайшем рассмотрении потенциал рейха выглядит не таким уж мощным. Если тот факт, что нацистское государство было воплощением зла, не вызывает никаких сомнений, то к его блестящим перспективам имеет смысл отнестись весьма скептически. Почему? Ответы на этот вопрос пыливый читатель найдет в книге Артёма Космарского. Нужно просто внимательно ее читать.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой сборник очерков, на первый взгляд не связанных друг с другом: теория арийского футбола и судьба одинокой немецкой девушки, взаимоотношения рейха с исламом и бокс в концлагерях и так далее. Однако, несмотря на разнообразие тем и некоторую эклектичность, тексты создают интереснейший эффект: они показывают существование практически неработающей системы. Перевернутая пирамида, у которой вершина не внизу, а вверх.

Эта маленькая вершина – Адольф Гитлер – тиран и абсолютный властелин, который почти никогда не формулирует четких и однозначных приказов. Вокруг него постоянно крутятся минимум пять адъютантов из различных ведомств: партии, вермахта, СС, имперских министерств. Все они записывают каждое слово фюрера, чтобы угадать его пожелания, претворить их в жизнь и скорее об этом доложить. Все. Одновременно. Пишутся приказы, разрабатываются десятки инструкций, ведется яростная подковерная борьба с доносами и «подставами». Все ненавидят друг друга: Геринг – Геббельса, Розенберг – Гимmlера и так далее. Человек рейхсфюрера, гауляйтер Грейзер, пишет Гитлеру доносы на товарища по борьбе – гауляйтера Форстера. Фюрер не вмешивается. А вопрос-то важный – германизация присоединенных к рейху польских территорий. Даже по этой проблеме не существует единого мнения, единых правил, единого регламента. Выглядит как комедия, но для простого люда все эти разногласия означают только страдания и кровь.

Р. Гесс, Г. Гиммлер, Ф. Боулер, Ф. Тодт и Р. Гейдрих (слева направо) на выставке «Планирование и построение нового порядка на Востоке»

Но почему же при таком руководстве все это работало? На мой взгляд, автор дает ответ и на этот вопрос, хотя не ставил перед собой такой цели. Беда в том, что нацистам достался «тот» народ. И повинны в этом вовсе не Гитлер с его приспешниками, а победители в Первой мировой войне, которые подвергли немцев таким унижениям, что те готовы были на союз хоть с самим Сатаной. Собственно, его они и получили. Все прошло как в голливудском фильме «Ослепленный желаниями» 1967 года (где дьявол исполняет все желания героя, но издевательским образом). Гитлер заманил немцев обещанием реванша, дал его им, а взамен те получили тотальную войну, «бомбенкриг» и неисчислимые страдания. Впрочем, память о мучениях после Версаля и патриотический подъем 1930-х годов настолько сплотили немцев, что любое действие союзников имело результат ровно противоположный планируемому. Все это накладывалось на зараженность идеологией, природную дисциплинированность и хорошие исполнительские качества. В результате, как ни запутывали нацистские руководители дело (которое каждый из них понимал по-своему), как ни усложняли процесс выполнения задач (которые никто однозначно не формулировал), на «последней миле» всегда оказывались исполнители, сглаживавшие своим рвением все неровности. Система работала. А теперь сравните все это с советской классической пирамидой: четкие, ясные распоряжения отдаются на самом верху и доходят до уровня непосредственного исполнителя, снабженные простыми и доступными инструкциями. Это было необходимо по той простой причине, что с конечным исполнителем в СССР дела обстояли плохо: не хватало квалифицированных кадров.

Еще один важный фактор, на который обращает внимание автор, – некая нетоталитарность тоталитаризма в Третьем рейхе. Гестапо не реагирует на доносы о явной неблагонадежности, если в этих доносах нет маркеров, провоцирующих сотрудников тайной полиции на какие-либо действия. Некрупный партийный функционер без команды решает «ариизировать» популярный вид спорта, устраивает многомесячную дискуссию в прессе и даже пытается саботировать общегосударственные спортивные мероприятия. Конечно, эти факты скорее исключения из правил, но они очень хорошо иллюстрируют тот самый управленческий хаос, царивший в

нацистской Германии. При этом тоталитаризм в рейхе был самым настоящим. Все зависело от того, кто руководил процессами. Вот в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды, которым руководил Йозеф Геббельс, никакой самостоятельности не было и в помине. Подчиненные Геббельса боялись случайно на его искаленную ногу взглянуть – где уж тут думать о самовыражении и корректировке партийной линии? Более того, в ведомстве Геббельса на любой случай существовали жесткие и четкие инструкции.

Интересно показывает автор противоречие между официальным национал-социалистическим патриархатом и той ролью в освобождении немецких женщин, которую сыграли необходимость пополнять рабочей силой заводы и жестокие бомбовые налеты союзников. В результате рейх из патриархального государства, где женщинам отводилась роль домохозяек или живых инкубаторов для разведения пушечного мяса, превратился в страну матерей, жен и сестер, фактически взявших на себя управление народной жизнью. Но случилось это уже в последние годы войны.

Награждение Почетным крестом немецкой матери

Разумеется, Артём Космарский не обошел вниманием и самые темные стороны Третьего рейха – холокост, концлагеря и коллаборационизм. Он попытался ответить на вопросы: почему в страшном львовском погроме участвовали не только украинские националисты, что немцы хотели найти на Украине, по каким причинам военнопленные записывались в вооруженные силы Третьего рейха.

Большим откровением для многих читателей станет статья, посвященная организации боксерских поединков в концлагерях. Представители старшего поколения наверняка помнят повесть Георгия Свиридова «Ринг за колючей проволокой», где рассказывается о военноплен-

ном советском боксере, который попал в Бухенвальд и вынужден был принимать участие в поединках с охраной. Как выяснилось, многие подробности организации таких поединков советский писатель не выдумал. Соревнования по боксу в немецких лагерях действительно больше напоминали бои без правил. О нацистских концлагерях, кстати, известно, что в большинстве из них царил такой же хаос, как и во всем рейхе (конечно, были исключения вроде прекрасногодушного идеалиста и, можно сказать, гуманиста, Рудольфа Хёсса – коменданта Аушвица, который навел в деле истребления евреев просто невероятный порядок).

В книге упоминается термин «нулевой час» (как обозначение полного краха немецкого общества после поражения Германии в 1945 году), о котором в советской литературе не писали. Старшее поколение знает его только по слабенькой гэдээровской военной комедии «Мой нулевой час», но вряд ли кто-то задумывался над смыслом этого выражения. А вот для немцев «нулевой час» значит многое. Одномоментное крушение уклада жизни. Полное изменение реальности. Обнуление. Пропажа всего. Японцам, по крайней мере, оставили их императора. Немцы утром 9 мая 1945 года оказались голыми практически во всех смыслах этого слова. Автор заглядывает и в эти печальные дни, когда «черное стало белым, а белое – черным». Наиболее интересная трансформация происходила не со взрослыми, которые умели как-то приспосабливаться к меняющейся обстановке, а с представителями молодого поколения, которые родились при нацистах и другой Германии не знали. Оказывается, эту трансформацию зафиксировали в начале 1946 года, когда шок от наступивших перемен и травмы войны еще жгли сердца юношества. Результаты опросов, проведенных среди нескольких тысяч старших школьников, позволяют поставить под сомнение пользу денацификации, в те же дни осуществлявшуюся в западных зонах оккупации. Возможно, советский подход к проблеме, в рамках которого явных преступников жестоко наказали, а остальным просто сообщили, что они живут в новой стране, и не стали вырабатывать у них комплекс вины, оказался более щадящим и результативным в плане избавления восточных немцев от нацистской химеры.

Введение

Эта книга собрана из научно-популярных очерков, напечатанных в российских СМИ в 2014–2018 годах. Но почему именно о Третьем рейхе? И чем обусловлен такой выбор сюжетов? Чтобы ответить на эти вопросы, мне придется немного рассказать о собственном ремесле. Научная журналистика – весьма своеобразная профессия. Претензии к ней имеют и ученые, и журналисты, хотя задача ее полезная и почетная – доносить до широкой аудитории смысл того, что происходит в науке. Ученые пишут друг для друга, а научный журналист пишет об их изысканиях (иногда и вместе с ними) для несколько странного, неопределенного субъекта, который называется общественность или массовая аудитория.

Один из коронных жанров научной журналистики – лонгрид, большая статья. Часто (хотя и не всегда) лонгриды опираются на последние научные исследования, опубликованные в виде статей в международных рецензируемых журналах. С сюжетами по естественным наукам сложностей обычно не возникает. Существует отлаженная система трансляции открытий: от журналов (начиная с топовых *Science* и *Nature*) к пресс-релизам – и далее к средствам массовой информации (как специализированным, так и общего профиля). С социальными и гуманитарными науками все сложнее: отработанных каналов коммуникации у них немного.

Работая в российских СМИ, я стал одним из первых, кто попытался распространить жанр лонгрида на гуманитарные науки, прежде всего историю. И тут всплывает важный для научной журналистики аспект – привлекательность материала. Одних только высокостатусных журналов по истории в мире несколько сотен. Конечно, они выходят не с периодичностью *Science*, не раз в неделю, а раз в три-четыре месяца, но их очень много. О чем же писать? Сложность выбора темы усугубляется и тем, что в гуманитарных исследованиях бывает сравнительно немного открытий, благодаря которым логика работы СМИ (писать о новом) совпадает с логикой науки. В науках о человеке и обществе редко открывают новые законы, физические объекты, причинно-следственные связи – чаще речь идет о новой интерпретации, новом понимании материала.

Далее маяком становится логика читательского интереса. Научному журналисту приходится не только думать об оригинальности и убедительности научной статьи, степени ангажированности и спекулятивности ее аргументов; не только оценивать, пустышка ли перед ним, добротный материал среднего уровня или нечто прекрасное и «прорывное». Второй, после качества именно научной аргументации, критерий – это подача выбранного сюжета: насколько выбранный ученым сюжет хорошо рассказан. Конечно, можно сделать увлекательный текст и из сухого, техничного повествования о бусах эпохи неолита или о демографической статистике Швеции XVIII века, но... Фактически я вернулся к очень древнему восприятию истории: она хороша тем, что рассказывает интересную историю. *History should tell a good story.*

И, наконец, третий критерий, самый реалистически-циничный. Если научный журналист пишет не о каком-то значимом для всех открытии, которое само по себе является сенсацией, ему приходится думать о том, насколько избранная тема вообще способна заинтересовать публику. История, например, сасанидской Персии или гендерных отношений в средневековой Испании, конечно, может дать занимательные сюжеты, но, увы, они слишком далеки от жизненного мира и интересов русскоязычной аудитории. Вторая мировая война, гитлеровская Германия – эти темы, напротив, гарантируют некое безусловное внимание и даже политическую остроту, как уверяли меня редакторы. Я писал о самых разных исторических эпохах и сюжетах, но Вторая мировая и Великая Отечественная война часто были приоритетными.

И вот, ориентируясь на проблематику этих событий, прочесывая десятки номеров исторических журналов, я получил определенный опыт и стал замечать некие закономерности

новейшей (2010-е годы) историографии Третьего рейха¹. Что обращает на себя внимание прежде всего?

Во-первых, пестрота сюжетов, во многом необычная для российского читателя, привыкшего к определенной монополии большой политики, экономики и войны. Пишут не только и не столько об СС, вермахте, Гитлере, Гиммлере и других бонзах; о танках, самолетах, разведке... но и о многоликой повседневности, развлечениях, гендерных сюжетах; о тактике блицкрига на футбольном поле; о жизни испанских медиков на Восточном фронте; о романтических отношениях итальянцев с немками в 1944 году; о восприятии суда Линча нацистской пропагандой...

Во-вторых, окончательное размывание и даже разрушение теоретической модели тоталитаризма. Третий рейх все реже видится и описывается как всесильное государство, подчинившее своей власти все сферы жизни, державшее под колпаком каждого гражданина, менявшее экономику и общество в угоду собственным прихотям. Наоборот! Вырисовывается картина постоянного сопротивления этой власти, многочисленных уловок, позволявших простым людям вести свою игру на любых уровнях. Да и сами государственные структуры оказываются не столь уж одержимыми планами тотального контроля. Гестапо крайне неохотно ведет дело «лесбиянки» из Нюрнберга, в результате чего доносы соседей, раздраженных ее асоциальным образом жизни, начинают играть куда более значимую роль в трагической судьбе женщины, нежели действия тайной полиции. Сподвижники Гиммлера предпринимают робкие попытки внедрить антинаучную (зато идеологически верную) доктрину вечного льда в академический мейнстрим, но эти попытки сталкиваются с таким ожесточенным сопротивлением инженеров и техников, что рейхсфюреру приходится убирать товарищей в недра своего «Аненербе», чтобы их не разгромили публично.

Третий рейх сейчас описывается историками как поликратическое государство: разлаженная, конкурентная, гетерогенная система, в рамках которой разного рода структуры с пересекающимися полномочиями вели постоянную аппаратную борьбу, продвигали собственные планы и «топили» друг друга. Причем исключением не стали даже те вопросы, в которых нацистский режим вроде бы был нацелен на предельную эффективность, например организация холокоста. Иногда даже кажется, что в сталинском СССР степень централизации, способность проводить единую линию руководства были выше.

И последнее – пожалуй, самое важное. Видно, как историкам сложно найти язык, на котором можно говорить об абсолютном зле и одновременно сохранять объективность собственной исследовательской позиции. В сюжетах, собранных в этой книге, есть своего рода мораль: все сложно и неоднозначно. Не в смысле, что зло – не такое уж и зло; речь о том, что судьбы людей складывались очень по-разному, нетривиально, не по клише вроде: злая власть давит героических одиночек. До читателя доводится мысль о сложности исторической реальности, но эта мысль не исключает того, что Третий рейх, особенно в последние пять лет своего существования, если и не был воплощением абсолютного зла, то вполне приблизился к этому образу.

И вот по такому узкому канату над пропастью и идут историки. Понимая, что действия изучаемого государства являются абсолютным злом, они стараются уйти от простых человеческих моделей восприятия зла: закрыть глаза, возмутиться, заклеить, – они пытаются понять, как это зло возникло, по каким принципам работало и что смогло его победить.

Мне хотелось бы выразить благодарность Илье Усову, Алексею Гореславскому и Даниилу Кузнецову – без их помощи и поддержки вошедшие в книгу тексты никогда не увидели бы свет; Петру Каменченко, Илье Крамнику, Константину Богданову и Алексею Куприянову – за

¹ Я, разумеется, не претендую на репрезентативность выборки исследований и даже на систематичность обзора литературы. При этом информативность книги не страдает от того, что я работал со статьями в англоязычных журналах. Языком современной мировой науки, и в том числе историографии, все больше становится английский, и немецкие исследователи вполне встроены в эту систему.

бесценные отклики, советы и беседы по историческим вопросам; Алексею Хвостову и Марине Невражиной (*Lenta.ru*) – за чуткую редакторскую работу; Игорю Бурмакину, Марии Косаревой и Илье Миронову (*Lenta.ru*) – за высокое мастерство бильдредактора; Роману Переборщикову – за возможность издать эту книгу; наконец, Григорию Пернавскому – за поддержку, комментарии и готовность взять на себя роль научного редактора и Александре Докукиной – за неоценимую помощь в редактировании и подготовке рукописи к печати.

Часть I. Режим за работой

1. Блицкриг на футбольном поле: как в Германии перестраивали спорт на национал-социалистический лад²

Почти во всех авторитарных и тоталитарных государствах XX века вожди и диктаторы высоко ценили спорт и использовали его в интересах режима – для укрепления морального духа населения, физической подготовки граждан (будущих солдат). Наконец, спортивные состязания выступали эрзацем реальной войны с идеологическими противниками на международной арене: можно вспомнить хотя бы противостояние советской и чехословацкой сборных на чемпионате мира по хоккею 1969 года (на следующий год после вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию). Однако истории почти неизвестны политически мотивированные попытки менять правила спортивных игр. Что касается футбола, ФИФА всегда жестко следила за неприкосновенностью системы, и все немногочисленные реформы прошлого века были далеки от идеологии. Они преследовали другую цель – уменьшить хаотичность игры, повысить ее динамичность и зрелищность.

В Третьем рейхе футбол долго оставался вне политики: высшие лица государства подчеркивали его развлекательный характер, призванный отвлечь население от тягот повседневной жизни (особенно во время войны). Именно поэтому примечательна единственная попытка радикально переделать футбол, предпринятая в годы максимального успеха немецкого оружия, – уподобить его блицкригу, изменить правила в сторону «правильной» германской агрессивности и воинственности, милитаризировать игру. Но планы национал-социалистических любителей футбола натолкнулись на дипломатичное сопротивление профессиональных тренеров... Этот сюжет известный немецкий историк спорта Маркварт Херцог (Швабская академия в Ирзее, Германия) раскрыл на страницах журнала *The International Journal of the History of Sport*³.

Еврейская и пацифистская система «дубль-вэ»

В декабре 1940 года рейхсшпортфюрер (имперский спортивный руководитель) и председатель обоих союзов физкультуры рейха (Имперского и Национал-социалистического) Ганс фон Чаммер унд Остен, который сам был неплохим футболистом и страстным болельщиком, опубликовал в нескольких газетах манифест об идеологической перестройке спорта и прежде всего футбола. Реакция последовала незамедлительно. В этом же году баварский шпортбейхсфюрер (местный партийный уполномоченный по делам спорта) Карл Оберхубер выступил с инициативой по милитаризации футбола и превращению игры в агрессивный блицкриг, достойный победителя в европейской войне. Он родился в семье фельдфебеля, батальонного секретаря, в 1900 году, провел детство в казармах Ингольштадта, окончил реальное училище и ушел добровольцем на Первую мировую войну. Уже в 1922 году он вступил в НСДАП, стал штурмовиком (членом СА) и даже успел поучаствовать в Пивном путче – правда, не шел за «кровавым знаменем»⁴, а всего лишь разбрасывал листовки из кузова грузовика. Средства к

² Первый вариант материала опубликован в издании Lenta.ru (17.09.2014): Блицкриг на футбольном поле. Как в Германии попытались перестроить игру на национал-социалистический лад (<https://lenta.ru/articles/2014/09/17/footballblitz/>).

³ Herzog M. *German Blitzkrieg Football Against the English "Wall Tactic": The Football System Dispute in the German Empire 1939–1941* // *The International Journal of the History of Sport*. 2014. Vol. 31. N 12. P. 1489–1508.

⁴ Пивной путч – неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая НСДАП 9 ноября 1923 года в Мюн-

существованию Оберхубер добывал, работая в различных мелких фирмах. В 1920-е его посадили за хулиганство, но в 1930-х годах по протекции всемогущего гауляйтера (высшего руководителя НСДАП областного уровня), а также министра внутренних дел Верхней Баварии Адольфа Вагнера он выбился из грязи в князи и к 1937 году вырос до руководителя местного отделения Немецкого имперского союза физической культуры, правительственного надзирателя за спортом и начальника штаба самого гауляйтера.

хене. «Кровавое знамя» – флаг со свастикой, который использовался путчистами. Знамя было забрызгано кровью убитых штурмовиков, в честь чего и получило свое название. Стало одним из атрибутов нацистской власти.

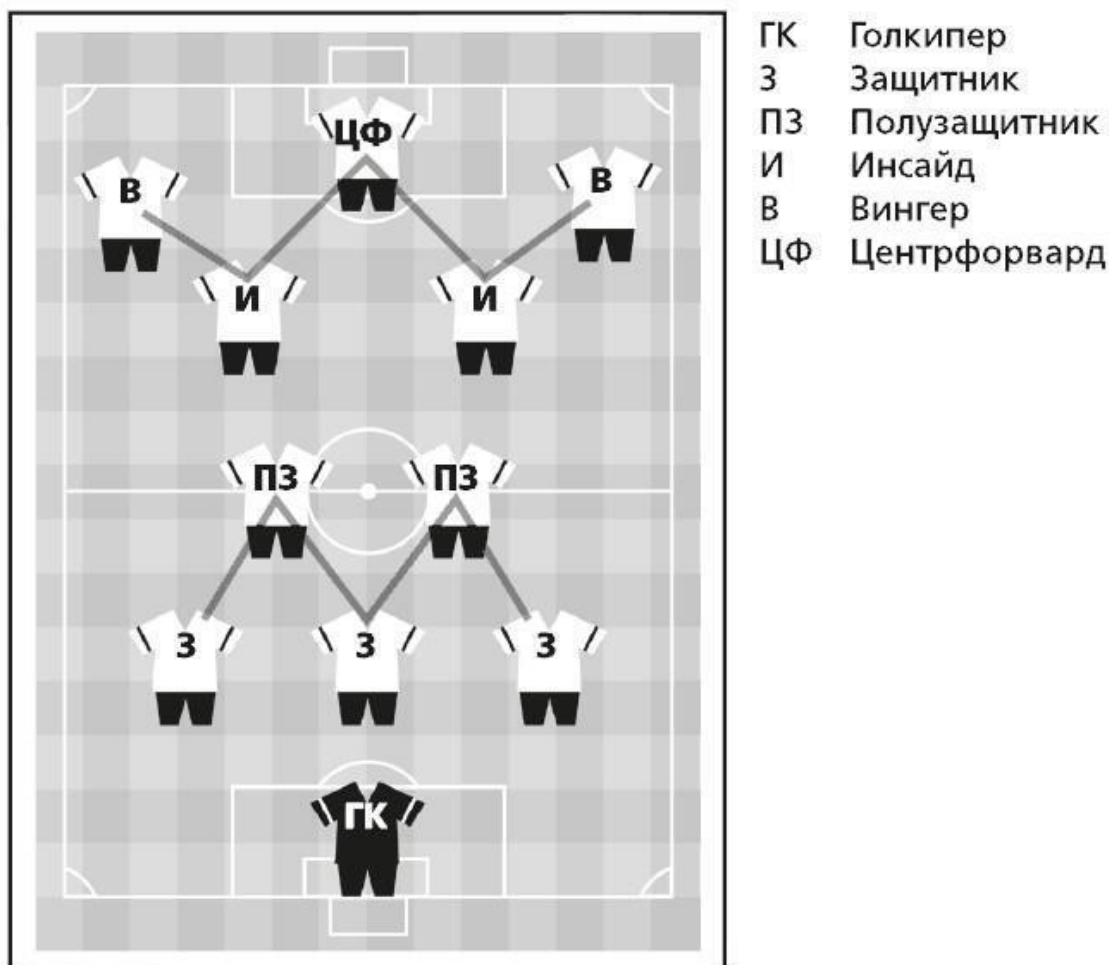

Ганс фон Чаммер унд Остен

Главным врагом Оберхубера оказалась тактическая схема с тремя защитниками («W-M», или «дубль-вэ»). Эта система, изначально английская, утвердилась в немецком футболе уже в конце 1920-х годов. Случилось это в результате изменений в правиле офсайда, принятых ФИФА в 1925 году с целью сделать игру более зрелищной (за счет увеличения результативности). Согласно изменениям, игрок не был вне игры, если в момент передачи мяча (на него) перед ним стояло как минимум два футболиста (то есть в большинстве случаев – вратарь и один защитник). До этого правило предусматривало трех игроков. Таким образом, защитники

теперь действовали на свой страх и риск, ведь за ними находился только вратарь. В результате число забитых мячей в матчах английской лиги выросло почти на треть. В ответ на эти нововведения легендарный тренер «Арсенала» Герберт Чепмен и придумал схему «дубль-вэ»: он решил оттянуть центрального полузащитника в центр обороны и играть в три защитника.

Хотя правило о положении вне игры нельзя было изменить без одобрения ФИФА, Оберхубер все равно жаждал построить агрессивный футбол и не только вернуть центрального защитника в середину поля, но и играть шестью или даже семью форвардами. Впрочем, при всей революционности риторики баварца, по сути, он предлагал повернуть время назад, к футболу его юности, когда нападающие всей массой толклись у ворот соперника.

Тактическая схема с тремя защитниками («W-M», или «дубль-вэ»)

Спортивная пресса рейха с энтузиазмом восприняла идеи шпортберейхсфюрера. Схема с тремя защитниками шельмовалась как иностранная, английская, пацифистская, демократическая или даже еврейская. «Когда армия Гитлера сокрушила великие державы в атаках беспрецедентной силы, афоризм “нападение – лучшая защита” наполнился новым смыслом – именно применительно к футболу», – писал Оберхубер в своем манифесте.

Нападение и оборона

Надо сказать, что образы блицкрига в спорт привносили не только партийные функционеры. Победоносные кампании 1939–1940 годов были так раскручены пропагандой, что их пафос проник не только в фильмы и радиопередачи, но и в футбольные репортажи. Например,

сенсационную победу венского «Рапида» над «Шальке 04» (Гельзенкирхен) в финале Бундеслиги со счетом 4:3 один комментатор назвал «кровавой бойней на поле». Ему вторил другой: «Это был блицкриг в истинном смысле слова, голы ударили как молнии». Действительно, нападающие «Шальке 04» забили два гола в самом начале матча, а остальные пять мячей, из которых немецкой команде принадлежал уже лишь один, влетели в сетку ворот за первые 14 минут второго тайма. Атакующий стиль двух клубов стал для прессы подтверждением правильности реформы Оберхубера. Однако милитаристские образы взяли на вооружение и ее противники: в футболе, как и на войне, для победы требуется не только мощное нападение, но и эффективная защита – «зенитные батареи» и «линия Зигфрида», – утверждали они.

Матч Германия – Югославия (1939)

Болельщики «Шальке 04». На табло окончательный счет матча

Отдельного упоминания заслуживают (непредсказуемые) исторические параллели между инициативой Оберхубера и планами Гитлера. Манифест был опубликован в конце декабря 1940 года, как раз когда в обстановке секретности был утвержден план «Барбаросса» (Директива № 21). В отличие от неожиданно удачного блицкрига французской кампании 1940 года, который в реальности являлся чистой импровизацией, в план нападения на СССР Гитлер и его генералы изначально закладывали идею молниеносной войны. Кроме того, «образцово-агрессивный» матч между «Рапидом» и «Шальке 04» прошел как раз 22 июня 1941 года. Болельщики, собравшиеся на берлинском стадионе, заслушали официальное сообщение о начале войны с Советским Союзом⁵.

Реванш рейхстренера

У шпортберейхсфюрера нашелся сильный противник – глава национальной сборной Йозеф Хербергер. Трехлетний конфликт из-за того, каким должен быть футбол Третьего рейха, вообще не упоминается в биографиях Хербергера, который сделал блистательную карьеру уже в ФРГ. В 1954 году он привел западногерманскую команду к чемпионскому титулу на Кубке мира: в финальном матче немцы победили великолепных венгров со счетом 3:2 (знаменитое «Бернское чудо»). Как и Оберхубер, Хербергер прошел окопы Первой мировой – но не добровольцем, а призывником. Никакого энтузиазма по поводу войны он не испытывал, наград и повышений не получил, служил радистом вдали от линии фронта, играл за военные клубы и часто брал увольнительные, чтобы участвовать в матчах. Во время Второй мировой войны, уже став тренером, Хербергер вспомнил этот опыт и старался не допускать отправки профессиональных футболистов на фронт, а также крайне скептически относился к милитаризации спорта. Рейхстренером бывший игрок «Мангейма» и берлинской «Теннис-Боруссии», полу-

⁵ Это было повторное сообщение, первое германское радио сделало еще рано утром. – *Примеч. ред.*

чивший высшее спортивное образование, стал в 1936 году, после поражения сборной на берлинской Олимпиаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.